

А. Г. Сагитова, З. М. Шарифуллина (Елабуга)

Межъязыковые эквиваленты и соответствия в компонентных фразеопарадигмах (на материале русского и татарского языков)

Сопоставительное изучение языков всегда дает возможность обнаружить в них общие черты и различия, выявить языковые универсалии и уникалии.

Одним из ведущих направлений современного контрастивного языкознания является исследование межъязыковой фразеологической эквивалентности на материале разноструктурных языков. Как правило, в работах подобного рода в сопоставительном плане рассматриваются фразеосемантические группы, выделяемые на основе общности их значений. Между тем не меньший интерес вызывает изучение одного из видов языковых формальных парадигм – компонентной фразеологической парадигмы, под которой мы понимаем совокупность фразеологизмов с одним и тем же компонентом. В основе таких фразеологических объединений лежит деривационный потенциал реалии, обозначаемой общим компонентом, который во многом обусловлен символикой этой реалии в человеческом сознании. Идентичность денотатов позволяет выделить универсальное и специфическое в языковых картинах мира разных народов. Объектом нашего исследования стали фразеологические компонентные парадигмы с общим компонентом “рука-кул” в русском и татарском язы-

ках. Анализируемые формальные парадигмы включают в свой состав 148 ФЕ русского и 181 ФЕ татарского языка (по данным "Фразеологического словаря русского языка" под ред. А. И. Молоткова и "Татар теленең фразеологик сүзлеге" Н. Исәнбәтә).

Из указанного количества фразеологических единиц (ФЕ) нами было выявлено 54 фразеологические пары, которые можно отнести к разряду межъязыковых фразеологических эквивалентов (МФЭ). Отметим, что наше исследование в данной ее части опирается на структурно-типологическую классификацию фразеологизмов разных языков, предложенную Ю. П. Солодубом¹. Согласно Ю. П. Солодубу, МФЭ – это фразеологизмы разных языков, совпадающие по своей семантике, фразеологическому образу и стилистической характеристике. Они могут полностью заменять друг друга в соответствующем контексте при переводе с одного языка на другой. При этом очевидно, что сам фразеологический образ, то есть внутренняя форма, та "картинка", на основе которой осмысливается и воспринимается целостное обобщенно-переносное значение ФЕ, проявляется через его СК-прототип – сочетание слов, на основе переосмысления которого данный фразеологизм сформирован.

Степень идентичности СК-прототипов разноязычных МФЭ позволяет выделить несколько разновидностей. Первую разновидность (МФЭ-1) составляют межъязыковые фразеологические эквиваленты, которые характеризуются тождеством не только названных выше трех признаков (семантики, фразеологического образа, стилистической характеристики), но и полным соответствием единиц лексического и грамматического уровней СК-прототипов. К данной разновидности в наших компонентных фразеопарадигмах относятся следующие две пары: *с легкой руки – жиңел кулдан, под рукой – кул астында*.

Вторая разновидность межъязыковых фразеологических эквивалентов (МФЭ-2) характеризуется отсутствием полного соответствия СК-прототипов на лексическом уровне. Такой тип структурно-типологического соответствия встречается достаточно редко, так как даже очень незначительно расхождение СК-прототипов на лексическом уровне обычно отражает и различие самих фразеологических образов. Тем не менее в сопоставительной фразеологии подобные соответствия могут присутствовать, и доказательством этого служат наш единичный пример: *положа (положив) руку на сердце – кулны кукракка куеп (букв. положив руку на грудь)*. Несмотря на употребление различных слов, семантическая эквивалентность и образное тождество, объединяющие фразеологизмы, не нарушены.

При всех перечисленных выше структурно-типологических соответствиях, МФЭ третьего уровня сходства (МФЭ-3) разграничиваются на основе грамматических различий в оформлении их СК-прототипов. К МФЭ-3 относятся 26 пар разноязычных фразеологизмов, что составляет 48 % от общего количества МФЭ. К ним относятся следующие фразеологические единицы. *руки длинные – кулы озын, из рук в руки – кулдан кулга, легкая рука – кулы жиңел, золотые руки – кулы алтын, тяжелая рука – кулы авыр, рука в руку –*

¹ Солодуб Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология / Ю. П. Солодуб., Ф. В. Альбрехт. М., 2002. С. 207.

кулга кул тотынышып, попадать под руку – кул астына элэгу, подать руку – кул биру, ударить по рукам – кул сузу, пройти через чьи-то руки – кулыннан уту и т. д.

К последней разновидности МФЭ-2-3, предполагающей различие СК-прототипов сопоставляемых фразеологизмов как на лексическом, так и на грамматическом уровнях, относятся 6 фразеологических пар, что составляет 11% от общего количества межъязыковых эквивалентов, например: *сложить руки – кул кушырып утыру* (букв. сидеть сложа руки), *предлагать руку и сердце – кулын тэкъдим иту, рукой подать – кул сузымы* (букв. длина руки) и т. д.

Как видно из приведенных выше примеров, грамматические различия СК-прототипов в МФЭ-3 и МФЭ-2-3 проявляются в нескольких особенностях:

а) компонент "рука – кул" в СК-прототипах татарских фразеологизмов занимает препозицию, а в русских – постпозицию;

б) в татарском языке компонент "кул" всегда представлен в форме единственного числа, а в русском – в форме обоих чисел;

в) у фразеологизмов глагольного типа ведущим компонентом в русском языке является неопределенная форма глагола, в татарском ему соответствует особая глагольная форма "исем-фигыль" – имя действия, которая сочетает в себе признаки глагола и существительного.

Общее и типологически исключительно важное свойство всех разновидностей МФЭ – наличие у сопоставляемых разноязычных ФЕ тождественных образов.

Если же фразеологические образы разноязычных фразеологизмов не тождественны, а только близки (нередко основным лингвистическим показателем этого являются определенные лексические несоответствия), то мы имеем дело с межъязыковыми фразеологическими соответствиями первой степени сходства (МФС-1). В нашем исследовании к МФС-1 можно отнести фразеологизмы *мартать руки – кул буяу* (букв. красить руку), *рука не поднимается – кул бармау* (букв. рука не идет), *прибирать к рукам – кулга кертү* (букв. впускать в руку), *мастер на все руки – кулыннан эш килү* (букв. от его рук; работа идет), *горит в руках – куллары ятып тора* (букв. руки лежат к чему-либо), *опускать руки – кул ятмау* (букв. рука не лежит к чему-либо), *давать волю рукам – кул белән шаяру* (букв. шутить, играть рукой).

МФС второй степени сходства (МФС-2) – это идентичные по своим значениям и стилистической окраске фразеологические единицы, которые, хотя и различаются неповторимыми, специфически национальными фразеологическими образами, но построены тем не менее по единой фразеологической модели. В нашем материале не обнаружены.

Контрастивный анализ межъязыковых фразеологических эквивалентов с идентичным компонентом позволил выявить их некоторые тождественные семантические характеристики. Так как "рука" является основным физическим органом, посредством которого человек участвует в трудовой деятельности, то в исследуемых компонентных парадигмах достаточно широко пред-

ставлены ФЕ, характеризующие отношение человека к работе, к труду. Среди них можно выделить:

а) фразеологизмы, указывающие на способность или неспособность человека к труду (*горит в руках, мастер на все руки, руки не тем концом вставлены, из рук валится; кулыннан эш килу, куллары ятын тора, кулы уйный, кул ятмау, кулы эшкә бармый, кул кычу*);

б) занятость и безделье (*сидеть сложа руки; кул кушырын утыру*).

Однако рука – это не только символ орудия труда или самой трудовой деятельности, но также символ человеческой власти, поэтому в составе межъязыковых фразеологических эквивалентов обоих языков заметный пласт составляют фразеологизмы, указывающие, с одной стороны, на власть, на свободу, ответственность, а с другой, – на зависимость, подчиненность, угнетение (*в руках, на руках, брать в руки, держать в руках, руки связаны, связывать по рукам и ногам; кул астына алу, кулга алу, кул астына төшү, кулда тоту, кулга керту, кул-аягын бәйләү*).

Совпадение семантики и образности МФЭ с идентичным компонентом может быть обусловлено общими для разных народов жестами, обычаями, суевериями. Так, например, одинаковыми для русского и татарского народов являются жест, которым сопровождается уверение в подлинности и искренности сказанного (*положа руку на сердце; кулны кукрәккә куеп*), жест отталкивания, отстранения от себя ненужного предмета или лица (*махнуть рукой, кул селкү*), жест протягивания руки для оказания помощи (*подать руку, кул бирү*).

К общим древним обычаям относятся чаще всего обычаи:

а) обмениваться рукопожатием при обоюдном удовлетворении результатом сделки (*бить по рукам, ударять по рукам; кул сугу, кул сугышу*);

б) передавать проданную скотину от одного владельца к другому (*из рук в руки; кулдан кулга*);

в) при заключении сделки новый владелец должен был наложить руку на это животное или предмет, закрепляя тем самым свое право на владение (*накладывать руку; кул салу*);

г) устаревающие обычаи просить согласие на замужество, готовность вступить в брак (*просить руки, предлагать руку и сердце; кулын сорау, кулын тәкәдим итү*);

д) отголоском того, что когда-то, в старину, рука была мерой длины, служат фразеологизмы со значением “близости” (*рукой подать, под рукой; кул астында*).

Нашли отражение во фразеологии сопоставляемых языков и суеверные представления о том, что у людей руки могут быть “легкими”, то есть приносящими удачу в делах, и тяжелыми (*легкая рука, легок на руку, с легкой руки; кулы эциңел, эциңел кулдан*).

Обычай в день свадьбы переносить невесту на руках через порог дома жениха также связаны с древним суеверием, что духи предков жениха, живущие на пороге его дома, могут разгневаться на невесту, если она переступит порог (*носить на руках; кул өстендә генә йортү*).

Общность семантики русских и татарских фразеологизмов с единым компонентом, на наш взгляд, вызвана прежде всего идентичностью основных мыслительных процессов человека, и как следствие, тождественностью об-

разно-понятийных ассоциаций. Вторым фактором, способствующим интенсивному развитию межъязыковых фразеологических эквивалентов, несомненно, можно считать калькирование, являющееся порождением массового татаро-русского билингвизма. Однако разграничение "собственно фразеологизмов" и продуктов калькирования представляет собой весьма сложную задачу, успешное решение которой требует серьезных историко-этимологических исследований в области сопоставительной фразеологии.